

Почему такое небрежение?

Весть о том, что смерть внезапно настигла Евгения Мартынова — одного из самых любимых нашей семьей эстрадного артиста — буквально потрясла. Его песни — это такое отдохновение души, такое очищение от невзгод, неприятностей, трудностей, которых в нашей жизни сегодня непомерно много. А от его звонкого, чистого голоса тепло становится, спокойно, легко...

За что же так сурово обошлась с ним судьба? Может, детство было тяжелое или много пришлось пережить? Хотели почитать что-нибудь о нем, да нигде не нашли. В одной только книге об эстраде несколько строчек упоминаний, что есть на свете такой артист, но даже по отчеству он не называется — просто «Е. Мартынов» и все. Почему такое небрежение? Ведь очень много у него почитателей. Слушатели любят его. И это еще при его жизни было подобное отношение. А что теперь будет — известное дело: «с глаз долой — из сердца вон». Совсем забудут? Нет, вы, журналисты «Советской культуры», не имеете права такое допускать! Вы просто обязаны по гражданскому долгу, по человеческому сделать все, чтобы имя замечательного автора песен и певца осталось в памяти, чтобы жили его произведения и его голос звучал. Он того достоин и заслужил.

Семья РЯБИНИНЫХ.
ПУШКИНО,
Московская область.

Счастливые песни

Именно с ним — с Евгением Мартыновым — написал я счастливые песни — так уж сложилась их «биография». А началось все с того, что раздался однажды телефонный звонок из журнала «Юность». (Сейчас уже не припомню, кто звонил — возможно, Андрей Деметьев): «Приезжай в редакцию. Здесь молодой композитор из Донецка принес роскошную ме-

лодию. Надо написать песню». Приехал, мелодия понравилась, взял ее, но так как предстояла сразу же поездка в Югославию, пришлось захватить эту запись с собой. Там, на берегу Адриатического моря, я и сочинил «Яблони в цвету», которые принесли нам с Женей первую удачу. Ко всему, что связано с этой песней, применимы слова «первая», «первые»: с нее мы начали свое сотрудничество, Женя — первый из советских представителей участвовал в международном конкурсе эстрадной песни «Братиславская лира», и впервые «золото» присудили посланцу нашей страны.

А потом была наша песня «Я тебе весь мир подарю», которую спел в Сопоте Як Йоала, и она тоже принесла победу. Периоды тесного сотрудничества с Мартыновым сменялись затишьем — то его не было, то меня, а потом опять сочиняли, писали вместе. И так получилось, что самую последнюю песню Женя создал тоже на мои стихи — шутиливую, милую, игривую «Марьину рощу».

Самая последняя. Как тяжело это произносить! Как трудно поверить, что этот «большой ребенок», трогательный своей добротой, наивностью, непосредственностью восприятия мира — таким я всегда ви-

Евгений Мартынов... Кому не знакомо это имя! Автор многих песен, звучавших в репертуаре популярных эстрадных артистов — Софии Ротару, Яака Йоалы, Карела Готта, Джорджи Марьяновича и других; прекрасный исполнитель собственных произведений. Эмоциональная открытость, романтическая приподнятость тона, мелодическая широта музыкальной речи принесли ему любовь и признание слушателей самых разных поколений. Творчество Мартынова отмечено высокими наградами и премиями на всесоюзных и международных фестивалях и конкурсах.

И вдруг в самом расцвете сил — в 42 года — внезапная, нелепая, жестокая смерть. Невосполнимая утрата! Об этом — звонки в редакцию, письма, отклики.

дел Женю — больше никогда не будет обсуждать со мной творческие и житейские проблемы, спорить, соглашаться. Никогда не раздается в моем доме телефонный звонок и не прозвучат в трубке характерные Женнины интонации: «Илюша, здорово! Давай увидимся — у меня классная мелодия для тебя!»

Нет. Написана последняя песня. Перевернута последняя страница жизни...

Илья РЕЗНИК.

Ему бы еще жить...

Словно вчера, помню, появился в нашей редакции молодой светловолосый, улыбчивый юноша. Появился после шумного успеха на международном конкурсе «Братиславская лира». Смущенный, застенчивый, он, казалось, даже стеснялся, что выпало ему такое неожиданное счастье — стать «золотым лауреатом». Беру интервью у победителя, а он... пытается доказать, что вроде случайно все это — повезло, да и только.

С этого 1975 года и началось наше знакомство с Женей (раз-

решу себе так его называть, ибо до дня официального сообщения об его кончине, я даже не знала его отчества). Сколько раз он «выручал» редакцию, участвуя в наших «устных выпусках», во встречах с читателями. Ряд его произведений — песни «Лебединая верность», «Баллада о сыне». «Аленушка», так сказать, апробировавшись на наших вечерах и всегда восторженно воспринимались слушателями, особенно молодыми.

Бывало, звонишь ему (в какой-то период приходилось его «добывать» через систему посредников), услышит голос и уже знает — надо выручать газету. И выручал, без принуждений, без ссылок «не могу», «трудно», «занят», «устал», «нездоровится». Удивительно отзывчив был на просьбы. Внимателен и сочувствовал всегда, если что не так, и чужие невзгоды воспринимал как свои.

А своих, между прочим, у него было предостаточно. Особенно поначалу: надо было пробиваться через стену безразличия, бездушия, формализма. Не хотели в нем признавать профессионала, хотя он с отличием окончил два факультета Донецкого музыкально-педагогического института. Не хватало одного — композиторского диплома. Потому и не признавали. А вот комсомол признавал. И даже своей высшей премией его отмечал.

Наконец имя Евгения Григорьевича Мартынова появилось в списке членов Союза композиторов СССР.

Помимо исполнительской, авторской деятельности, Е. Мартынов начал заниматься редакторской (в журналах и газетах). Все сложилось по справедливости. Только поздно, наверное: слишком много сил, нервов и сердца пришлось в это вложить. Сердце-то и не выдержало. Умер от сердечной недостаточности — поставили диагноз врачи. А по-моему, главная причина смерти — недостаточная сердечность, которой не раз не хватало ему и ранее, и в последние минуты жизни: медицинская помощь опоздала. А Женя бы еще жить и жить...

М. ИГНАТЬЕВА.